

СУДЕБНЫЕ ПАЛАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И... В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

TRIAL CHAMBERS IN THE STATE STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE AND ... IN RUSSIAN HISTORY

R. Shaydullin

Annotation

Legal framework of the Empire was one of the key socio-political sites that were the target of modernization in the course of reforms in the second half of the XIX century. Brought to life by the initiative of the state social wave had a significant influence on the transformation of the social landscape in Russia in the early twentieth century. The trial chamber became not only centres of translation of legal novels, but also had a significant influence on the modernization of social relations and the formation of innovative socio-cultural space of Russia. The viability and relevance of these institutions became apparent in 1917, when the judicial system is one of the few among the structures of Russian statehood, – he has preserved the integrity and efficiency and was liquidated by the Bolsheviks for ideological reasons.

Keywords: Great reforms, The Kazan judicial chamber, Russian Empire.

Шайдуллин Раиль Рашитович

Институт истории

им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань

Аннотация

Правовое поле Империи явилось одной из ключевых социально-политических площадок, ставших объектом модернизации в ходе реформ второй половины XIX века. Вызванные к жизни инициативой государства социальные волны, оказали заметное влияние на трансформацию социального ландшафта России в начале XX века. Судебные палаты сделали не только центрами трансляции юридических новелл, но и оказали заметное влияние на модернизацию общественных отношений и формирование инновационного социокультурного пространства России. Жизнеспособность и востребованность этих институтов стали очевидны в 1917 году, когда судебная система, – одна из немногих среди структур российской государственности, – сохранила целостность и эффективность и была ликвидирована большевиками по идеологическим соображениям.

Ключевые слова:

Великие реформы, Казанская судебная палата, Российская империя.

По общему мнению, утвердившемуся в отечественной историографии, судебная реформа 1864 года оказалась одним из наиболее решительных шагов, сделанных Россией, на пути модернизации. Соответственно, предпринятые Александром III в конце восьмидесятых годов меры в области правосудия и юстиции, принято расценивать как наиболее радикальную меру среди контрреформ. В среднесрочной перспективе подобное истолкование позволяет обозначить причину социального конфликта, над разрешением которого безуспешно билось имперское правительство в конце XIX – начале XX веков, доведя, – в конечном итоге, – дело до революции. Объяснительный потенциал данной гипотезы представляется весьма солидным, причём безотказно того будет ли использован позитивный, постпозитивный или же афтепозитивный методологический инструментарий.

Однако фрикционный ритм реформы/ контрреформы не соответствует содержанию исторического процесса, а также, – что с точки зрения профессиональных параметров исторической презентации даже серьезнее, – не вписывается в логико-концептуальную схему причинно-следственных связей, из бесконечной цепи которых, соб-

ственно и ткется пелена прошлого. Ведь, если объективно оценивать хронологический ряд, то первым контрреформатором, – по праву может считаться сам Царь-освободитель, взявшийся, – едва завершив создание нового государственного механизма, – вводить ограничения и учреждать экстраординарные институты фактически работу этого механизма нарушающие.

Да, – слов нет, – патологические усилия народовольцев по устранению монарха, эмоциональный фон Государя явно не стабилизировали* [2. С. 12–15, 100], но разведение военных судов или назначение временных генерал-губернаторов могло помочь подданным научиться пользоваться плодами свободы.

* По свидетельству председателя Комитета министров П.А. Валуева Государь имеет вид усталый и сам говорил о нервном раздражении, которое он усиливается скрывать. Коронованная полуразвалина. В эпоху, где нужна в нём сила, очевидно, на неё нельзя рассчитывать*.

А введение "Диктатуры сердца" – разве можно считать шагом к демократии. Поэтому административная и нормативная практика Александра III, может быть рассмотрена лишь как продолжение инициатив его родителя, инициатив, – как выяснилось 1 марта 1881 года, –

явно недостаточных ни для того, чтобы привить населению навыки цивилизованного политического участия, ни для того, чтобы обеспечить безопасность самого Императора.

Перед лицом циничного вызова жизнеспособности имперского организма, который, – брошенный членами Исполкома "Народной воли" 12 марта 1881 года в лицо государству, – не менее бомбы Гриневицкого угрожал самим основам государственного порядка в России, необходимо было проявить твёрдость. Вот Александр Александрович и проявил: не только определив цареубийство, как "Низкое и злодейское убийство Русского Государя, посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа, – есть дело страшное, позорное, неслыханное в России и омрачило всю землю нашу скорбию и ужасом" [3], – но и, настаивая на ликвидации убийц своего родителя и тех структур, которые они представляли. По всем канонам современного антитеррористического поведения – решение верное, а с точки зрения сохранения государственного авторитета – единственно возможное*.

* Понадобится ещё больше века, из которых – без малого – восемьдесят лет окажутся периодом воспитания нравственного идиотизма, возведённого в ранг официальной морали, чтобы глава российского правительства, смог позволить себе заискивать перед бандитами. Хотя, – с другой стороны, именно с июня 1995 года начинается отсчёт возрождения российской государственности; просто потому, что после 18 июня 1995 года престижу государства российского ниже падать было уже некуда.

Манифест этот, ставший результатом мучительных раздумий Александра III, вызвавший волну обид и ставший причиной громких отставок, тех подданных, кто мнил себя выше долга перед своим Государем, в целом в стране был встречен с энтузиазмом и одобрением* [5. С. 338].

* "В среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. Зато все здоровые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование, – вчера там читали его в соборах и было благодарственное молебствие с торжеством. Из городов приходят известия о всеобщей радости от появления манифеста", – писал К.П. Победоносцев.

Манифест 29-го апреля, – как отмечал в своём "циркуляре начальникам губерний" новый министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, – указывает нам, что Верховная Власть измерила громадность зла, от которого страдает наше Отечество, и решила приступить к искоренению его" [6. С. 1].

Между тем, среди объектов "искореняемого зла" не оказалось, – как можно было бы предположить, – судебных учреждений Александра II. Более того, на востоке страны начало проведения в жизнь судебной реформы целиком пришлось на царствование Александра III. Так

Судебные Уставы Александра II в Сибири вводились в действие 1897 году, а адвокатура была создана – в 1904-м. То есть сам по себе период правления Царя-миротворца, не может быть представлен в качестве эпохи торжества консерватизма и разгула реакции.

Другое дело, что смысл некоторых новелл наследником Царя-освободителя понимался не совсем так, как задумывался присяжными либералами из команды Лорис-Меликова, поэтому некоторые из институций, учреждённых в соответствии с замыслом реформы 1864 года, сделались носителями и выразителями иных идей. Но хотя в своей деятельности они, возможно, и уклонялись от замысла их породившего, – но, тем не менее, продолжали реализовывать экспрессивную функцию права, постепенно изменяя сознание российских обывателей, учившихся чувству гражданственности и личной ответственности. "Основой действительной силы государства, – писал в своё время один из наиболее известных российских администраторов М.Л. Горемыкин, – какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность; выработать в народе способность к самоустройству и самоопределению может только привычка к самоуправлению, развитие же бюрократии и правительственной опеки создаёт лишь обезличенные и бессвязные толпы населения, людскую пыль" [1. С. 74]. Однако, формирование национальной идентичности, – немислимое без чувства гражданственности, т.е. персональной ответственности за судьбу страны, – самым непостижимым образом понималось в России, как источник дефицита административных прерогатив. Проще говоря: укрепление государственности и развитие демократии рассматривались как антагонизмы. Одна из идей Александра III-го, – предвосхищавшая мысль Франклина Рузвельта, о том, что сильное государство никогда не вырождается в диктатуру, которая является порождением слабой власти, – как раз и заключалась в том, чтобы постепенно приучать широкие слои населения к цивилизованным формам самоуправления. Важно отметить, что речь идёт именно о правомерных формах самоуправления, то есть таких способах организации общежития, которые являясь прозрачными для государственного контроля, позволяют сочетать интересы коронного фиска с насущными потребностями населения. Проблема в России состояла в том, что обладая колоссальным опытом социальной организации, население империи не испытывало особой потребности в государственных услугах.

Скорее, – наоборот: усвоив, – со времён монгольского ига, что, – "государство... забирает всё, до чего только может дотянуться, и ничего не даёт взамен, и что ему надобно подчиняться, потому что за ним сила" [4. С. 20], – российский обыватель старался государство не беспокоить, откупаясь от его внимания податями. И до какого-то момента это всех устраивало, точнее – до второй по-

ловины XIX века, когда потрепанное в Крымской кампании государство в своём стремлении взять реванш, столкнулось с нехваткой наличности, взять которую, – как полагали, – можно у населения, обложив (к примеру) владельческих крестьян полновесной подушной податью, для чего, правда, пришлось бы их "освободить". То есть правительство повернулось лицом к народу, но не встретило встречного движения: основная масса населения (не только крестьяне, но и все сословия) никак не могла сообразить, чего же от них хотят. Те, которые сообразили, – как в селе Бездна Казанской губернии, например, – пытались привлечь внимание Государя к несправедливости новелл, но правительство, – на этот раз, осталось глухо к гласу народа. Правда, через какое-то время, – сообразило, что с подданными лучше разговаривать на одном языке и приступило к масштабной программе модернизации российского бытия*, призванной открыть двустороннее движение в коммуникативном пространстве население – правительство.

* У.Н.А. Некрасова в "Кому на Руси жить хорошо", модернизация воплощается в образе цепи, которая порвавшись ударила одним концом по барину, другим по мужику.

Эти-то усилия, потребовавшие титанических трудов, колоссального напряжения и от общества, и от государства и, увенчавшиеся, – в конечном итоге, – возвращением России в мировую политику, и носят в историографической традиции имя "Великих реформ".

Важным элементом формирования гражданского самосознания должна была стать судебная реформа, однако, её идеологи: В.П. Бутков, С.И. Зарудный и др., вполне отдавали себе отчёт в том, что создание независимого суда в пределах административно-территориальных границ губерний невозможно. Обеспечить автономию судопроизводства можно только лишив бюрократию непосредственного влияния принятию решений. Так родился проект одного из самых загадочных учреждений постреформенной России – Судебной палаты, юрисдикция которой не совпадала с губернскими границами, что, – по мысли авторов реформы, – должно было обеспечить независимость кассационной и апелляционной инстанции. А, следовательно, поставить служителей Фемиды блюсти интересы государства, а не региональных элит.

Впрочем, выяснилось, что авторы реформы не вполне отдавали себе отчёт в её истинных масштабах и последствиях для общества. Эти последние, как круги по воде, разошлись среди населения империи, затронув, буквально все слои и страты российского социума. Поэтому, хотя, – по разным причинам, – признать институт Судебных палат эффективным и полностью выполнившим, возложенные на него задачи не представляется возможным, однако же, и отрицать влияние этих структур на формирование культуры независимого судопроизводства, а – следовательно – основы гражданского общества тоже не приходится. Истина, как обычно, где-то рядом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое литературное обозрение, 2000 – 746 с.
2. Зайончковский П.А. Кризис самодержавья на рубеже 1870 – 1880-х годов. – М.: Изд-во Московского университета, 1964. – 513 с.
3. О незыблемости самодержавия. Высочайший манифест. 29.04.1881 100 главных документов российской истории [Электронный ресурс]: <http://док.история.рф/19/o-nezyblemosti-samoderzhaviya-vysochayshiy-manifest-29-aprelya-1881-g/> (дата обращения: 12.06.2017).
4. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
5. Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III: В II т. – Т.1. – М.: Новая Москва, 1926.
6. Правительственный вестник. – 1881. – № 98. – 6 (18) мая.

© Р.Р. Шайдуллин, (rail_shaydullin@bk.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru
АСЭР
ГК Агентство Социально-Экономического Развития
тел: (495) 971-5681
<http://www.asergroup.ru>

МЕДИЦИНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

28 мая 2018
Конгресс-центр ГК "Космос", Москва

РЕКЛАМА